

Евдокимова Ольга Владимировна, Коматесова Анна Сергеевна

ФЕНОМЕН СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XXI ВЕКОВ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ

На материале мемуаристики XIX века, романа Ф. М. Достоевского ("Братья Карамазовы"), с одной стороны, и произведений современных писателей Е. Г. Водолазкина (роман "Авиатор"), Л. С. Петрушевской (повесть "Время ночь"), философского труда Вл. Соловьева ("Оправдание добра") - с другой, в статье предпринят опыт описания семейной хроники не только в аспекте своеобразия ее жанровой поэтики, но и как одной из тех основ русской словесной культуры, которые в силу своего возрастания до значения феномена обуславливают целостность текста и мирозерцания автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 16-19. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1/-9

На материале мемуаристики XIX века, романа Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»), с одной стороны, и произведений современных писателей Е. Г. Водолазкина (роман «Авиатор»), Л. С. Петрушевской (повесть «Время ночь»), философского труда Вл. Соловьева («Оправдание добра») – с другой, в статье предпринят опыт описания семейной хроники не только в аспекте своеобразия ее жанровой поэтики, но и как одной из тех основ русской словесной культуры, которые в силу своего возрастания до значения феномена обуславливают целостность текста и мирозерцания автора.

Ключевые слова и фразы: феномен; поэтика; жанр; мемуары; повесть; роман; семейная хроника; эстетическое задание; универсальная функция в культуре.

Евдокимова Ольга Владимировна, д. филол. н., профессор

Коматесова Анна Сергеевна

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
odnodum8@mail.ru; komatesova@mail.ru*

ФЕНОМЕН СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XXI ВЕКОВ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ

Канонические черты жанра семейной хроники с подчеркнутой определенностью экспонируют произведения русской мемуарной традиции. Очевидны эти черты как в литературных произведениях, имеющих в своем заглавии указания на жанровую форму, так и не содержащих их. К первым относятся, в частности, такие памятники русской мемуаристики, как «Рассказы бабушки: из воспоминания пяти поколений...» Д. Д. Благово [3], «Воспоминания о былом: из семейной хроники» Е. А. Сабанеевой [14], «Из семейной хроники: воспоминания для детей и внуков» Н. П. Грот [5], «Семейная хроника» Е. И. Елагиной [10].

«Записки артиллерии майора М. В. Данилова» [6] или «Взгляд на мою жизнь» И. И. Дмитриева [7], «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни...» И. М. Долгорукова [8; 9], не обозначая в заглавии жанра семейной хроники, воплощают его по содержанию, приемам повествования, авторской позиции.

В биографическом семейно-хроникальном поле XIX века устанавливаются как родственные (Благово – Грот), так и духовные связи (Благово – Сабанеева). Во многом это единство культурно-исторического поля и обусловлено возникновением идеи создания повествований о своей жизни и своем роде.

Цели семейных хроник объясняются в их введениях, посвящениях, эпитафиях, т.е. важнейших элементах внешней композиции произведений. Так, в текст Н. П. Грот включен эпитафия, взятый из философского трактата Вл. Соловьева «Оправдание добра»: «Куль предков и основанное на нем семейное воспитание побуждает безнравственную рознь и восстанавливает нравственную солидарность людей в порядке времени, или последовательности бытия» [5, с. 1] (ср. у Вл. Соловьева: «Почитание предков и основанное на нем семейное воспитание побуждает безнравственную рознь и восстанавливает нравственную солидарность людей в порядке времени, или *последовательности бытия*» (курсив Вл. Соловьева – О. Е., А. К.) [15, с. 498]).

Духовно-нравственный вектор семейных хроник очевиден и в других особенностях их поэтики. Например, историко-родовая основа повествования формирует своих типичных героев. Ключевой фигурой здесь является родоначальник – «начинатель рода». Описание его, рассказ о нем – исток повествования, которое, развиваясь, создает не просто разветвленную, но естественно разрастающуюся систему героев: «прадеды», «деды», «бабушки», «сестры», «братья», «тетки», «дяди», «дочери», «сыновья», «внучатые племянники»... Обычно при упоминании одного из представителей рода повествователь стремится предложить читателю весь семейный «атлас» этого героя.

Если же охарактеризовать героев семейной хроники в их отношениях к памяти, к их месту в «последовательности бытия», то центральными фигурами будут «дед» (варианты – «отец», «бабушка»), «ребенок», «вспоминающий». Описание фигуры «деда» строится обыкновенно на совокупности рассказов родственников, собственных воспоминаниях повествователя. Этот герой всегда связан с преданием. «Ребенку» предстоит усвоить родовую память, совершается это через воспитание и воспоминание. В повествователе – «вспоминающем» – заключены условия и предпосылки целостности памяти о роде.

Событийная композиция, подчеркивающая, выявляющая специфику семейных хроник, фиксирует этапы человеческой жизни: рождение, взросление, брак, зрелость и рождение детей, старение, смерть. Одни и те же «тайнства» и обряды сопровождают эти этапы: рождение – крещение, брак – сватовство, венчание, смерть – погребение, поминовение.

Событийными этапами жизни становятся потому, что свидетельствуют о «последовательности бытия». Причем характерны в этом смысле и рождение, и смерть. В хронике Е. А. Сабанеевой мы читаем: «У Боборыкиных был сын, Николай Лукьяныч, и дочь Пелагея, которую они потеряли, когда она была еще ребенком. Для тетушки эта потеря была великим испытанием, она страстно роптала и стала молить Бога, чтобы Он послал ей какую угодно будет Его воле кару, лишь бы вновь даровал ей дочь. <...> Так вот, скоро после

потери любимой дочери тетушка заболела очень мучительной болезнью. <...> Долго длились эти муки, несколько лет. Однако она выздоровела и родила дочь, которую назвали Пелагеей...» [14, с. 392].

Описание-осмысление событий всегда (как и в вышеприведенном фрагменте) опирается на опыт человека, принадлежащего семье, роду, – христианина. В своей событийной композиции семейная хроника обращена и к быту, и к бытию. В силу этого центральными моментами воспоминаний становятся рассказ о доме и описание дома. Противопоставляется дому или сближается с ним весь другой мир – холодный, отчужденный в первом случае, ставший домом – во втором.

«После долговременных трудов, противоборствий и неприятностей, наконец я увидел себя опять в том самом доме, который был моим ровесником, ибо родители мои обновили его в один день с моими крестинами, – пишет И. И. Дмитриев. – Из страны эгоизма, из высоких чертогов я очутился под низкою кровлею, у подошвы горного хребта, покрытого дубовым лесом, в уединенном семействе, где не было ни одного сердца, ни мне чуждого, ни ко мне холодного» [7, с. 356].

Описания интерьеров и экстерьеров дома не редкость в семейных хрониках, но и в этом случае повествователи сосредоточены на укладе жизни, устройстве семьи, отношениях родителей и детей, т.е. на нравственном смысле предания.

Закономерно поэтому, что в философском труде «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897 г.), учитывая опыт семейно-хроникальной жизни и повествования о ней, Вл. С. Соловьев утверждает, что «нравственный прогресс может состоять только в дальнейшем и лучшем исполнении тех обязанностей, которые вытекают из предания» [15, с. 498].

Безусловно-нравственная, духотворительная связь поколений достигается, по Соловьеву, через семейную религию, брак и воспитание детей.

Примечательно не только то, что нравственная философия Вл. Соловьева в своих главных интенциях совпадает с этическими установками семейных хроник русской мемуарной традиции, но и то, что его труд соотносим с последними и в посвящении, предпосланном «Оправданию добра»: «...моему отцу историку Сергею Михайловичу Соловьеву и деду священнику Михаилу Васильевичу Соловьеву с чувством живой признательности и вечной связи» [Там же, с. 47]. Этот историко-культурный факт побуждает посмотреть на семейную хронику не только как на самобытный жанр русской словесности, но и приблизиться к пониманию описываемой формы как феномена.

С одной стороны, в семейно-хроникальных повествованиях реализуется идея течения жизни, длящейся истории рода человеческого, с другой – поэтика этих произведений тяготеет к постоянству, к неизменности: герои и события типичны.

Устойчивость и подвижность, типичность и индивидуальность, обращенность из настоящего и в прошлое, и в будущее, бытописание и философичность делают семейную хронику фундаментальным, опорным началом в русской культуре, прочным условием такого качества, как целостность.

Исключительность формы семейной хроники, рассмотренной в ее этико-эстетическом задании – быть незыблемым основанием целостного и вечно меняющегося процесса воспоминания, – естественно способна служить «нравственному прогрессу» (Вл. Соловьев).

Характеризуя культуру XIX века как «по преимуществу “деревенскую”, “домашнюю”, “интимную”» [2, с. 368], П. М. Бицилли видел в записках, дневниках, в других формах «домашней письменности» почву для расцвета жанра автобиографического романа.

Однако очевидно, что у семейной хроники более существенная и широкая роль в целом русской культуры. Этот жанр в значительной степени лежит в основе и романа, и повести, и очерка. Причем романа классического и современного, повести классической и постмодернистской.

Если принять определение феномена как сути предмета «себя – в – себе – самой – показывающей» (М. Хайдеггер) [16, с. 48], то для описания феномена семейной хроники необходимо, прежде всего, направить внимание на классический роман.

«Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского близки в своей поэтике семейным хроникам русской мемуарной традиции. Идею длительности, течения жизни поддерживает название романа («Братья Карамазовы: роман в четырех частях с эпилогом»), заглавия его частей («История одной семейки»), глав («Первого сына спровадил», «Второй брак и вторые дети»). Посвящает Ф. М. Достоевский «роман-завет» жене, А. Г. Достоевской. Эпиграф – из любимого писателем Евангелия – от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоан. 12:24) [1, с. 1147].

Бытовое и бытийное в понимании семьи у Достоевского синтезированы в русле его «метафизической эстетики» (К. Г. Исупов).

Нами выявлен 31 фрагмент текста романа с описанием дома и домашнего уклада.

«Определяющим в нравственном облике действующих лиц “Братьев Карамазовых”, – с точки зрения Т. М. Миллиончиковой, – является отношение каждого из них к родительскому дому, к семье» [12, с. 142]. Но форма семейной хроники, лежащая в основании романа, в своей сути проявлена фрагментарно, поэтому в конце его появляется «Речь у камня», по-своему восстанавливающая целостность семейной хроники. «Путь зерна» в «Братьях Карамазовых» совершается тоже через воспоминание и воспитание «духовно-нравственного закона» (Н. П. Грот, Вл. Соловьев).

В постмодернистской повести Л. С. Петрушевской «Время ночь» (1992 г.) как будто уже не могут возникнуть те мирозидательные и жанростроительные процессы, которые характерны для классического

романа «Братья Карамазовы». Повесть говорит о том, что распалось, растворилось во тьме все, даже время. Повторы сюжетных ситуаций (ссора из-за «квартирного вопроса»), мотивов одной темы (рухнувшей семьи), описаний дома (при отсутствии материи для описания) создают текст, развертывающийся не в воспоминании и не во времени (ср.: семейные хроники русской мемуарной традиции), а в бесформенности тьмы (см. подробный анализ повести в обозначенном аспекте в статье А. С. Коматесовой «Феномен семейной хроники в повести Л. С. Петрушевской “Время ночь” (1992)» [11, с. 23-31]).

Однако в повести «Время ночь» сохранены знаки домашнего, семейного пространства. Один из них – елочная игрушка в виде домика: «И на Новый год мы (*одинокие бабушка и внук – О. Е., А. К.*) обвесили наш еловый букет сверху донизу, в том числе я удачно заранее спрятала (*от дочери – О. Е., А. К.*) отдельно, как чувствовала, стеклянный домик: сверкающая крыша и два окошка по сторонам. Тима любит заглядывать в окошки... И ненадолго я зажгла гирлянду, и домик у нас сверкал, и мы с Тимой водили хоровод (плюс синее пластмассовое чудовище), и я тихо вытирала слезы» [13, с. 29].

Антисемейный по содержанию текст Петрушевской настойчиво преследует совершенно противоположную его событиям цель – сохранить память о семье. Произведение не только мотивировано данной целью, но оно просто не могло бы сложиться как целое вне ее. Семейная хроника и здесь является незыблемой основой мирозидания, хотя и в виде только текста.

В романе 2016 года «Авиатор» Е. Г. Водолазкина – произведении, построенном, как полагается современному тексту, сложно, даже усложненно, – семейная хроника «являет себя» многоаспектно.

Во-первых, в теме памяти, форм и путей воспоминания, в том, что же важнее вспомнить: исторические события (Ватерлоо) или беседу на кухне, дарующую покой, запахи, обои над детской кроватью – события текущей жизни.

Во-вторых, в темах памяти и искусства, записанного и устного слова, синтеза живописи и литературы.

В-третьих, в теме возвращения-воскресения, в попытке ответить на вопрос, зачем Бог воскресил Лазаря.

Собирает все темы, делает «жизнеописание героя» целостным простая основа семейно-хроникальной формы. Роман посвящен дочери писателя, заключительные слова произведения: «Бабушка читает “Робинзона Крузо”» [4, с. 411].

Роман «Авиатор» свидетельствует о том, что русская литература, совершив виток в своем развитии, возвратилась в XXI веке к прямому наследованию семейным хроникам XIX века. Суть жанра, феномен семейной хроники здесь тоже состоит в поддержании и восстановлении «последовательности бытия» (Вл. Соловьев).

Список источников

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1988. 1407 с.
2. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 361-371.
3. Благово Д. Д. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 480 с.
4. Водолазкин Е. Г. Авиатор. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. 416 с.
5. Грот Н. П. Из семейной хроники: воспоминания для детей и внуков. СПб.: Изд-е семьи, 1900. 186 с.
6. Данилов М. В. Записки М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722-1762). Казань: Молодые силы, 1913. 83 с.
7. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь (Фрагменты) // Дмитриев. И. И. Сочинения. М.: Правда, 1986. С. 268-376.
8. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение: в 2-х т. СПб.: Наука, 2004-2005. Т. 1. 816 с.
9. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение: в 2-х т. СПб.: Наука, 2004-2005. Т. 2. 726 с.
10. Елагина Е. И. Семейная хроника // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: альманах. М., 2005. Вып. 14. С. 271-323.
11. Коматесова А. С. Феномен семейной хроники в повести Л. С. Петрушевской «Время ночь» (1992) // Историческая поэтика русской словесности: работы молодых ученых. СПб.: Свое издательство, 2015. С. 23-31.
12. Миллиончикова Т. М. «Родство» и «неродственность» в «Братьях Карамазовых» // Литературный журнал. М., 2002. № 16. С. 141-147.
13. Петрушевская Л. С. Время ночь // Петрушевская Л. С. Конфеты с ликером: истории из жизни. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 3-132.
14. Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом. 1770-1828 гг. // История жизни благородной женщины: сборник / сост., вступ. ст., примеч. В. М. Боковой. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 333-435.
15. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47-580.
16. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

**FAMILY CHRONICLE PHENOMENON IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XXI CENTURIES:
GENERAL SURVEY**

Evdokimova Ol'ga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Komatesova Anna Sergeevna
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
odnodum8@mail.ru; komatesova@mail.ru

By the materials of the memoirs of the XIX century, the novel by F. M. Dostoyevsky ("The Brothers Caramazov"), on the one hand, and the works by the modern writers E. G. Vodolazkin (novel "Aviator"), L. S. Petrushevskaya (novella "The Time: Night"), philosophical work by V. Solovyov ("The Justification of the Good"), on the other hand, the article describes family chronicle genre not only in the aspect of originality of its genre poetics but also as one of the basics of Russian literary culture which, acquiring the status of a phenomenon, determine the coherence of the text and author's worldview.

Key words and phrases: phenomenon; poetics; genre; memoirs; story; novel; family chronicle; ethical and esthetic purpose; universal function in culture.

УДК 81.1; 008:361

В статье предлагается новый подход к масштабной проблеме индивидуального стиля (идиостиля). Уникальность стиля требует особого моделирования, существующие же теоретические модели либо игнорируют ее, либо некорректно выводят из безразличных к уникальности дисциплинарных стратегий. Художественный текст представляет собой «другое» языка, поэтому необходим перенос акцента на метаязыковой по отношению к лингвистике и литературоведению уровень философии языка и литературы, где становится очевидна диада неустранимости/свободы автора в тексте. Эстетический объект возникает не над «материальностью» мира и языка, а в пространстве языка-места (субъектно-языковым пространстве сотворчества языка и писателя), и именно с этим связан феномен индивидуального стиля.

Ключевые слова и фразы: стиль; идиостиль; эстетический объект; «другое» языка; язык-место.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент
Гуандунский университет международных исследований, Китайская Народная Республика
Ивановский государственный университет
Ivanb10@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н.
Ивановский государственный университет
lakomotion@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СТИЛЯ И ЯЗЫК

Переосмысление культурно-языковой проблематики, которое проводит современная лингвоориентированная наука (когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др.), открывает, на наш взгляд, очень серьезные возможности для новой постановки и моделирования «застарелых» проблем литературоведения. Одной из них является проблема индивидуального стиля, тезисный вариант нового прочтения которой авторы предлагают в данной статье.

1. Современное состояние теории стиля нельзя признать удовлетворительным; более того, в традиционных подходах наблюдается своеобразный методологический тупик [7]. Индивидуальный стиль требует *особого моделирования*: ведь уникальность является его единственным дифференцирующим качеством (индивидуальный стиль либо уникален, либо его нет, а есть та или иная вариация того или иного «большого стиля»). Любое типологизаторство, не ставящее во главу угла эту уникальность, рискует потерять предмет исследования и рассматривать системность, которая не будет стилем. Источником эстетического моделирования для индивидуального стиля может быть только конкретный субъект творчества, особая природа которого делает его персоной нон грата «строгих» моделей (сторонники «органических», «герменевтических» подходов на практике вынуждены либо ограничиваться общими словами, либо прибегать к традиционному компонентному анализу, безразличному к стилевой уникальности). «Бессубъектному» структурализму стиль оказывается не нужен; разоблачающему саму художественную целостность постструктурализму – тем более. О сложности проблемы предупреждал еще А. Ф. Лосев, скептически оценивавший стилевые теории советских литературоведов, исходящих из примата «содержания» и «метода» и потому обреченных мыслить стиль в качестве системно-функциональной «надстройки» над «базисом»: «За последние десятилетия мы научились достаточно глубоко интерпретировать и излагать само содержание художественных произведений, минуя их стилевую структуру. Неудивительно, что у современных представителей литературных теорий еще не настолько набита рука, чтобы так же хорошо разбираться в стиле...» [8, с. 171].

2. Определенный прогресс достигнут в области лингвопоэтики (лингвистической/литературоведческой стилистики), связанной с опорными понятиями *идиолект* и *идиостиль*. Однако недооценивается изначальная разница дисциплинарных стратегий лингвистики и литературоведения, создающих и таксономизирующих свой объект несовпадающими способами. Для лингвистики это языковые единицы и их классы (дискретная стратегия),